

УДК 371.15

ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

КАРТАШОВА Мария Михайловна,

аспирант кафедры общей и социальной педагогики,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены смысловые, ценностные приоритеты деятельности русского учителя в контексте историко-культурного развития России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: духовность, духовный смысл русского образования, духовная сущность профессиональной деятельности учителя, православие.

KARTASHOVA M.M.,

Post-graduate Student, Department of General and Social Pedagogy,
Voronezh State Pedagogical University

THE SPIRITUAL ESSENCE OF THE TEACHER'S ACTIVITY: HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS

ABSTRACT. The article examines conceptual and value priorities in Russian teachers' activity in the context of historical and cultural development of Russia.

KEY WORDS: spirituality, spiritual essence of Russian education, spiritual essence of teachers' professional activity, Orthodoxy.

Начнем наши рассуждения с понимания образования как непрерывного процесса, имеющего корни в прошлом и ведущего в будущее, цель которого – обеспечение связи поколений, передача знаний и традиций и, наконец, создание условий для целостного духовного, интеллектуального и культурного развития как отдельной личности, так и всего общества в целом. Смысл образования в рамках историсофского дискурса заключается в становлении целостной личности; в обретении смысла своего существования; в нахождении своего предназначения и места в этом мире. Прочность и глубина духовного смысла русского образования проявляется сегодня признанием его научным сообществом как социокультурного, историко-культурного феномена.

Непрерывно важным для российской общественности сегодня является осознание значения исторических корней своего народа, его духовных и нравственных устоев, гражданских и патриотических идей, гуманистического постижения связей с другими народами, всем человечеством. «Плохо в стране тогда, когда разрывают историю, культуру и образование, когда позволительно не замечать связи между общественными процессами и образованием; тяжело тому учителю, который не знает или плохо знает историю и культуру своего Отечества, родного края, истоки и традиции своего народа» [1, с. 22].

Сегодня научная общественность осознает, что фундаментальное основание духовной сущности профессиональной деятельности учителя в отечественном просвещении заключается в том, что история России в течение тысячелетия была связана с историей Русской православной церкви. Целый ряд исследований посвящен проблеме становления и развития православных традиций в отечественном образовании. О глубоком и всестороннем изучении проблемы православия как онтологической основы,

источника смысловых, ценностных приоритетов, оказавшего системообразующее влияние на российское образование, школу, педагогику, свидетельствуют исследования последнего десятилетия. Большим вкладом в разработку проблемы является труд Е.П. Белозерцева [2], представляющий философию национального образования, построенную на триединстве: три урока, три константы, три ценности, три идеи, три условия развития образования; в основании триединства – религиозный догмат о Пресвятой Троице – архетип национальной ментальности. В исследовании П.А. Гагаева [3] предлагается метод субстратного осмысления философско-педагогических реалий. В поле русского православного мировидения, мироощущения автором выстраивается инвариантная модель отечественной школы, определяются ее социокультурные (антропо-, аксио-, гносео-, онто-, психологические) основания.

Анализ состояния современной педагогической науки также показывает возросший интерес ученых и практиков к сферам жизнетворчества человека и в связи с этим участвовавшие в педагогических исследованиях использование понятий «духовность», «духовное». Как правило, они употребляются в сочетаниях с различными устоявшимися в науке понятиями: «духовные знания» (В.И. Гинецинский), «духовные способности», «духовное состояние» (В.Д. Шадриков), «духовная зрелость» (В.Н. Макарова), «духовная сущность учительского труда» (Е. П. Белозерцев), «духовно-нравственное воспитание» (Т.И. Петракова), «духовно-нравственное становление» (В.А. Беляева), «духовная безопасность» (С.Ю. Рыбаков) и др. Такое явление не является случайным. С одной стороны, оно отражает множественность подходов к изучению феноменов духовности и духовной жизни человека и общества, с другой стороны, – многослойность педагогической

деятельности, частью которой является практика духовно-нравственного воспитания.

Анализ источников, систематизация и обобщение научного и литературного наследия российских просветителей позволяют сделать вывод о том, что отечественная духовная традиция как следование в педагогической деятельности образцам (идеям, нормам, установкам) православного воспитания берет начало с принятия христианства (условно 988 г.). Период церковно-религиозной педагогики стал в определенном смысле первым этапом становления русского учительства. В это время оформились первые представления о педагоге, смыслах его труда и требования к его профессионально-личностным качествам, среди которых определяющее значение имели духовно-нравственные. Объяснением этому служит то, что первыми учителями были представители духовного сословия, духовная жизнь которых способствовала развитию этих качеств. Соответственно и смыслом своей деятельности они видели духовное развитие воспитанников, формирование и развитие у воспитанников добродетелей.

Опосредованная православием культура Древней Руси вырабатывает самобытные идеи и ценностные ориентации – Русь не противоречит интересам интеллектуального развития (фактор первичный для западно-христианского мира), но привносит свои цивилизационные потенции, в которых сфера вечного, абсолютного, духовного является определяющей. Поэтому деятельность педагога рассматривалась как важнейшая религиозная задача, для решения которой необходимы: соподчинение всех сторон жизнедеятельности ребенка религиозному канону, участие в приходской жизни, согласование образовательного процесса с ритмом церковного календаря, постижение основ церковных искусств. Все это в той или иной мере присутствовало в практике отечественной педагогики вплоть до Октябрьского переворота.

Важно отметить, что в качестве своего рода учебника по педагогике, свода педагогических правил выступали для первых учителей ветхозаветные и новозаветные источники. Они стимулировали учителя к поиску ответа на вопросы: «Что такое воспитывающая любовь?», «Как любить ребенка?». Ответственность педагога за свои профессиональные и человеческие обязанности, за вверенные ему детские души не только перед родителями и обществом, но прежде всего перед Богом определила основу воспитания – благоговение перед Богом («страх Божий»), органично соединенное с любовью и смирением.

Гуманистические основы педагогической деятельности, которые строятся на началах любви, кротости, взаимной помощи, отражены в произведениях мыслителей Киевской Руси, о чем свидетельствует сочинение Илариона Киевского «Слово о законе и благодати» (конец X – начало XI в.), «Почтение» Владимира Мономаха (1053–1125). В «Почтении» раскрывается основной свод правил жизни, которым следовал сам государь и которым советовал следовать своим детям: любить свою Родину, заботиться о народе, творить добро близким, не грешить, уклоняться от злых дел, быть милостивым. Мономах писал: «Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, во евангельскому слову, "очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуж-

дая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех"» [4].

Таким образом, образование изначально приобрело ярко выраженный метафизический (внимание к сфере «вечного», «абсолютного», «предельного») и глубокий духовно-антропологический смысл. Причины формирования указанной особенности следует искать в образе исторического бытия русского человека: «Русская волшебная сказка, лики святых на иконах воскресающей Руси, светлая, детски-радостная архитектура русских храмов, чудные своим приятием, воспеванием Бога и жизни колокольные звоны православных церквей, чистая, как росинка, молитва иноков, печальная, но ничуть не подвигающая к отречению от жизни русская песня и полная светлого величия русская хоровая музыка <...> – во всем этом светится принимающая Бога и свою судьбу душа народа России, во всем этом являет себя ее жизнеутверждающее мирозерцание» [3].

Образование, преследующее цель духовно-нравственного становления личности, в условиях Монгольской Руси становится особенно актуальным. «Страшное время наступило для Руси в XIII веке. Как огромный ненасытный паук, Золотая Орда высасывала все жизненные соки из Русской земли. <...> Разгромленная, но не покоренная Русь 240 лет (с 1240 по 1480 гг.) терпела ужасы ордынского ига. Однако пульс духовной жизни продолжал биться» [5, с. 17]. Именно православные монастыри сыграли в это время (XIII–XV вв.) роль хранителей и распространителей российского образования, они были настоящими школами, «рассадниками книжного просвещения». Образцом для других монастырей, существовавших и появляющихся вновь в Древней Руси, становится монастырь Сергия Радонежского. Педагогическое значение деятельности Сергия Радонежского, направленной на нравственное возрождение русского народа, велико. «Примером своей жизни, высотой своего духа преп. Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее» [6, с. 252].

В XVI веке представления об учителе, о его внутреннем, духовном состоянии конкретизируются. Об этом свидетельствует анализ сохранившихся документов. Так, в «Уставе Луцкой школы» (1624 г.) зафиксированы такие требования к дидактике: он должен «быть благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, не пьяница, не блудник, не лихоимец, не гневлив, не завистлив, не смехотворен, не сквернослов, не чародей, не баснословитель, не пособник ересей, но споспешник благочестия, во всем представляя собой образец благих дел» [7, с. 94]. Данный перечень характеризует не качество предметной подготовки учителя, а раскрывает его личностные качества, определяющиеся христианскими идеалами, которые следуют из заповедей христианской жизни. Однако следует отметить, что Луцкая школа становится одной из первых школ, где начинают преподаваться различные науки.

На дальнейшее развитие отечественного образования как системы открытой оказало свое влияние развитие научного знания в XVII веке. Прямое взаимодействие западного типа просвещения создавало предпосылки заметного ослабления традиционной духовной составляющей российского образования. Тем не менее в содержании учительского труда осо-

бое место продолжало занимать духовное развитие, способствующее возвышению духа воспитанников, их стремлению к Добру и Красоте, а не только развитию ума. Передача социокультурного наследия, осуществляемая как функция образования, обеспечивающая познание учащимися себя и окружающего мира, сохранялась благодаря пониманию образовательных смыслов русским учителем, особому состоянию его внутреннего мира, основанному на христианских добродетелях.

В первые десятилетия XVIII в. Россия стремительно осваивала достижения передовой западноевропейской науки и новой философской мысли. Являющиеся частью государственной преобразовательной политики, европейские идеи секулярного рационализма и функциональности в образовании рождались с традиционной образовательной идеей примата духовного антропологического смысла, что порождало в отечественном образовании кризисные тенденции, дезорганизующие педагогическую деятельность. Объективная потребность в теоретически подготовленных, компетентных государственных служащих определяла расхождение государственного (активного, знающего, творческого) и общественного (православного) идеалов педагога.

Так, важнейший документ – «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи» (1783 г.) – первый в истории отечественного образования законодательный акт, который не только регламентировал права и обязанности педагогов, но и описывал тот образ учителя, который определяется возложенными на него государством социально-педагогическими функциями. Важнейшей обязанностью лиц учительского звания, сформулированной в виде стратегической цели деятельности, было просветительство: «Сделать из учеников своих полезных членов обществу; и для сего должны они поощрять чаще юношество к наблюдению должностей общественных, просвещать разум учеников и научать их как думать, так и поступать разумно, честно и благопристойно; и предписанные науки преподавать юношеству таким образом, как надобны им оные бывают в общежитии» [8, с. 98]. Вместе с тем укорененность национальных традиций в просвещении, мировоззренческие позиции и духовное состояние учителя не позволили в тот период утвердиться методам воспитания «новой породы людей». Таким образом, следование народным традициям в образовании сохраняло его смыслы и содержание учительского труда.

Деятели просвещения XIX века, опираясь на глубинные архетипы национальной религии и культуру, выступали за неукоснительное сохранение основных целей воспитания, состоящих в духовном возвышении, возрастании «внутреннего человека», и призывали «защитить новое, возрастающее поколение ... от влияния чужеземного» (А.С. Пушкин «О народном воспитании»). Сохранению, развитию и распространению национальных основ образования способствовала деятельность русского педагога К.Д. Ушинского, который в своих педагогических трудах обосновывал необходимость

сохранения традиции отечественной школы, важной составляющей которой являлась забота о духовном развитии воспитанника.

Вторая половина XIX в. является уникальным для развития отечественной педагогической мысли периодом, важнейшей особенностью которого стала широкая дискуссия о духовной сущности профессиональной деятельности учителя, о педагогическом идеале и предназначении учителя, его социальной роли.

Педагогическое наследие первых десятилетий XX века сохранило лучшие идеи отечественной православной образовательной традиции, в основе которой лежала задача пробуждения и укрепления духовного начала в человеке и смысл деятельности учителя – «раскрытие образа Божия в детях, раскрытие пути вечной жизни, приобщение к вечной жизни в жизни эмпирической» [9, с. 240].

Законодательно закрепленное вследствие революционных потрясений 1917 г. отделение церкви от государства, а школы от церкви привели к тому, что школа стала официально безрелигиозной. В Советской России была закрыта возможность печатать труды для тех педагогов, которые не сливаются с советским направлением в педагогике. Прежде всего, это педагоги, пребывающие в эмиграции. Немногие философы, в том числе русские философы XX столетия, вникали в духовные сдвиги своей эпохи, но писатели не расстались с традицией значимости духовности для существования личности и нации.

В рамках возобновившегося в последние годы диалога с Церковью современные исследователи (В.А. Беляева, Е.И. Исаев, Н.Д. Никандров, Т.И. Петракова, Е.А. Плеханов, В.А. Слассенин, В.И. Слободчиков и др.) указывают на необходимость рассмотрения проблем образования в контексте отечественной культуры, подчеркивая непреходящее значение и актуальность педагогического потенциала православия. Благодаря работам вышеупомянутых авторов «в начале XXI в. российская педагогика ориентируется на продолжение и развитие собственной духовной традиции, подразумевающей следование в педагогической деятельности образцам (идеям, нормам, принципам) православного воспитания» [1, с. 259–260].

Итак, базовые ценности отечественного образования формировались в рамках историко-культурного развития России. Первостепенной ценностью образования является духовность, привлекающая особое внимание русского человека к сфере абсолютного и вечного, определяющая нравственную основу воспитания человека с учетом национальных традиций и культуры народа. Важно подчеркнуть: русские на всех стадиях этногенеза духовно окормлялись православием. Идеино-сущностные характеристики отечественной православной образовательной традиции содержат духовный смысл профессиональной деятельности учителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белозерцев, Е.П. Образование: историко-культурный феномен : курс лекций [Текст] / Е.П. Белозерцев. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704 с.
2. Белозерцев, Е.П. Образ и смысл русской школы: очерки прикладной философии образования [Текст] / Е.П. Белозерцев. – Волгоград : Перемена, 2000.

3. Гагаев, А.А. Русские философско-педагогические учения XVIII–XX вв. [Текст] / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – М. : Русское слово, 2002. – 464 с.
4. Владимир Мономах. Поучение [Электронный ресурс] / Владимир Мономах. – (<http://yandex.ru/click/jsredir?from=yandex.ru>).
5. Заварзина, Л.Э. Русские педагогические портреты : учебное пособие [Текст] / Л.Э. Заварзина. – 3-е изд., пересмотр., и доп. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. – 295 с.
6. Ключевский, В.О. Литературные портреты [Текст] / В.О. Ключевский. – М. : Современник, 1991. – 461 с.
7. Егоров, С.Ф. Введение в историю дошкольной педагогики [Текст] / С.Ф. Егоров, С.В. Лыков, Л.М. Волобуева; под ред. С.Ф. Егорова. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
8. Надеждин, К. История Владимирской духовной семинарии (Съ 1750 года по 1840 годъ) [Текст] / К. Надеждин. – Печатня А.А. Александровскаго, 1875. – 184 с.
9. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии [Текст] / В.В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 272 с.